

Г.В. Судаков
Вологодский государственный университет

ЭМОТИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКЕ ПЕТРОВСКОЙ ЭПОХИ

Проблема функционирования эмоциональной лексики в разных речевых сферах в Петровскую эпоху (1696–1725) рассматривается впервые. Материалом для исследования послужили эпистолярная и деловая письменность, дипломатическая переписка и тексты военных распоряжений. Петровская эпоха – это время появления в России свободного гражданского человека, когда выражение чувств и отношений стало относительно свободным, менее зависимым от социального статуса собеседников. Все эмотивы являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Иноязычные заимствования отсутствуют. Складываются три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияют на степень выражения. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении, что обуславливает появление в языке противопоставленных групп эмотивных единиц (*радость – спокойствие – печаль*).

Историческая лексикология русского языка, эмоциональная лексика, литературный язык, Петровская эпоха, типы речевых ситуаций.

Введение. Петровская эпоха – так по традиции считается время от самостоятельного правления Петра до даты его смерти: 1696–1725.

Петровская эпоха – это реальные изменения в языке, широко фиксируемые в русской речи. Язык Петровской эпохи представляет собой исключительно ценный филологический источник. Наиболее многоаспектно его изучала группа казахских ученых во главе с Н.И. Гайнуллиной. Особое внимание в работах руководителя было уделено следующим проблемам: заимствованная лексика и ее адаптация, разговорная лексика, жанрово-стилистические особенности текстов, реконструкция языковой личности Петра Великого [1; 2; 3 и др.].

Усилиями ученых в XXI веке было уточнено время вхождения в литературный язык целого ряда лексических единиц; исследовано семантическое развитие отдельных лексических групп; оценен вклад Петра и Петровской эпохи в развитие словаря литературного языка. К сожалению, новых центров изучения языка Петровской эпохи не появилось, хотя отдельные исследователи продолжают изучение словарного состава языка начала XVIII века (см.: [4; 5; 8; 9; 12; 14 и др.]). При этом историко-лексикологические проблемы все чаще пересекаются историко-социальными и лингвокультурологическими.

Исследование. В исследовании установлено, что письменность, даже в таких формах, как юридическая и дипломатическая переписка, в отношении этикета стала сближаться с устной речью и более широко отражать эмоциональные переживания и отношения собеседников. Обращение на *Вы*, форма обращения на *-ович-* развиваются именно в это время.

Что такое эмоционально выразительная речь? *Эмотивность* – это языковая категория, она фиксирует психическое или эмоциональное состояние и пере-

живание человека. Эмотивность чаще выражается лексическими, иногда морфологическими или синтаксическими средствами. Смежные с эмотивностью понятия – эмоциональность, экспрессивность, оценочность.

Эмоциональность – это свойство человеческой речи, которое способно отображать его эмоции и чувства.

Оценочность – это положительная или отрицательная характеристика объекта, которая фиксируется в речевом акте.

Экспрессивность – это эмоциональное и одновременно оценочное отношение, выражаемое с помощью языковых средств.

Предлагаемые определения совпадают с идеями В.И. Шаховского, зафиксированными в его книге «Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка» [13].

Среди языковых единиц, выражающих эмоции, большую часть составляют глаголы. Все глаголы с семантикой эмотивности можно разделить на 36 групп. Существительных почти вдвое меньше: 16 семантических групп [13, с. 110–124].

Эмоции представлены различными вербальными и невербальными средствами. Иногда эмоция не называется, но присутствует в семантике слова, это слово может относиться к бранной лексике, к словам-коннотативам, вульгаризмам, междометиям. Важную роль играют различные изобразительно-выразительные средства: сравнения и метафоры, фразеологизмы. Для передачи эмоций используются грамматические средства: повторы, неполные предложения, восклицательные предложения, обращения, риторические вопросы, но в нашем случае речь пойдет о лексических средствах.

В речевом произведении есть три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияет на степень выражения эмоций.

1. Текст, где представлено название эмоции, но испытывающий эмоции субъект отсутствует или этот субъект есть обобщенное неопределенное лицо. В таком тексте эмоция имеет низкую степень выразительности, см., например: «Офицеров в Ромнах по розыску казнить смертью в *страх* другим» (ПБП, с. 10; 2956. 1709, Ф.О. Бартенева).

2. Повествование, где автор описывает эмоциональные переживания субъекта. В таком контексте эмоция выражена отчетливо, но переживания героя относятся к прошлому, и они мало выразительны, например: «Из листа... которые мы получили, подразумеваем о *доброжелательстве* вашем» (Там же, с. 17; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому).

3. Субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоции выражены отчетливо и выразительно, например: «Проклятая болезнь, хотя и не знобом и жаром, то *тоскою и тягостию* еще давит» (Там же, с. 335; 3366. 1709, А.Д. Меншикову).

В изложении материала мы ориентируемся на основные эмоции, переживаемые и осознаваемые собеседниками. В качестве источников материала используются деловые бумаги, дипломатическая документация и личная переписка Петра I. Все эти документы имеют личную подпись Петра, некоторые он писал лично или диктовал, обязательно редактировал. Из обширного свода документов «Письма и бумаги императора Петра Великого» (ссылка в цитатах: ПБП) в исследовании использованы документы, опубликованные в первом выпуске девятого тома – эти документы относятся к 1709 году.

Второй источник – это грамотки – частные письма лиц разного социального статуса. Грамотки опубликованы в издании «Грамотки XVII–XVIII века» (М.: Наука, 1969) – далее цитируем под сокращением: Гр-ки.

Грамотки как частные письма, в том числе переписка родственников, были близки к разговорной речи, но в этикетной части писем содержали разнообразные формулы речевого этикета: обращения, пожелания здоровья, просьбы о какой-либо милости и т.п.

В цитатах курсивом выделены слова и словосочетания, содержащие эмотивные элементы, например: «Желаем, дабы ваша милость для *любви* отечества и чести своей в начатом с нами пребывав союзе» (ПБП, с. 17; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «Объявляю вам о недавно случившемся мне *частии*, ибо принц Георгеи умре и теперь уже свободно могу свататца» (Там же, с. 14; 2961. 1709, царевне Наталии Алексеевне). Если первые письма – серьезные официальные документы, то последнее содержит иронический подтекст.

Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп были широко представлены в дипломатической переписке того времени: «И пребываем к вам *приянею* нашу склонный Петр» (Там же, с. 18; 2966. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «Зело *удивляемся*, что ваша милость пишеш, будто от нас ответу не получил; Тою посылкою войск наших *доволны* будете» (Там же, с. 16; 2965. 1709, литовскому гетману Г.-А. Огинскому); «Противная сторона, гордость свою прежнюю отставя, все

способы употребляет, дабы вас *ласками* своими и чрез медиацию французскую от союзу с нами отторгнуть» (ПБП, с. 34; 2996. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому).

В 1709 г. Петр неоднократно направлял письма украинскому народу, стремясь обеспечить нейтральное поведение запорожских казаков во время Полтавской битвы, одновременно разясняя им предательскую роль Мазепы. Эти письма написаны ярко, с обилием эмоциональных слов и выражений, ср.: «*Безстыдной универсал* на малороссийском языке, которой наполнен *грубой лаи*, касающейся высокой персоне нашей, и ради нескладной явной всем и простым, а не точто умным людем, лжи, *самохвалства* и кричания» (Там же, с. 59; 3029); «удобнее может *стыдным и возмутительным* пашквилем, нежели королевским универсалом назван быти» (Там же, с. 59; 3029); «Более *смеху* нежели почтения достоин» (Там же, с. 63; 3029); «Он, прикрывая *ненависть* свою к благочестивой нашей церкви и православной вере и знатно по *злобному* и богоотступному совету Мазепину напоминает» (Там же, с. 64; 3029); «Оборонять вас от *гнева* нашего некому ибо швед ныне и сам от войска нашего окружен» (Там же, с. 184; 3194).

«Нам зело было *неприятно слышетъ*. И таго ради писали ко оному в *крепких терминах*, дабы обходился с нашею милостию *дружелюбно*» (Там же, с. 213; 3236. 1709, гетману А.-Н. Сенявскому); «При сем посылаем книгу праф шведских воинских, которую вели напечатать в восьмую долю листа, но первее надлежит выправить, ибо гораздо инде темно переведено, а инде самую *грубою речью*» (Там же, с. 31–32; 2994. 1709, И.А. Мусину-Пушкину).

Письма Меншикову, как правило, состоят из двух частей: официальной и личной. В основной, официальной части представлено обращение на Вы, четкие распоряжения, приказный тон; в неофициальной – обращение на ты, информация о состоянии здоровья, пожелания благополучия жене и детям, шутки о Бахусе. Иногда неофициальная часть отделялась от официальной пометой «P.S.» (постскриптум). Приведем образцы эмоциональных фрагментов этих писем: «Коть *любимой* мой умре, однакож, дай боже, чтоб болше сих подобных *печалей* не было» (Там же, с. 168; 3178. 1709); «Господь богъ викторию нам даровал, чему мы зело *обрадовались*» (Там же, с. 177; 3189. 1709); «мы, с превеликою *радостию* услышав, господу, отмстителю *злым*, благодарили» (Там же, с. 191; 3203. 23.05.1709).

В использовании эмоциональной лексики в частных письмах важную роль играли этикетные формулы, о чем свидетельствует письмо Федора Бородина дяде Василию Владимировичу: «Гсдрю моему *свету млстивому* ко мне кормильцу дядюшке Василию Володимировичу вечной и неотступной *раб племянничко* твой Федка Бородин *рабски* челом бью дай гсди ты гсдрь мои здрав был на многие лета со всем своим блгодатным домом и з ближними своими *доброжелатели* на веки да что жаловал ты гсдрь мои ко мне вскормленнику своему сентября КС числе писал и мне и по твоему писму мне гсдрь *не радостно* лише *слезно* слыша про твою гсдря моево и *скорбь и печал* толко намъ гсдь бгъ и всемъ от родителей наших и подал намъ и приятей что твоя гсдря моево *млсть* и по

всемъ вызыскане ко мне убогому за твое гедря моево многолетное здоровее всегда своимъ домишком бга молю чтоб тебе гедрю моему подал бгъ все благая положи гедрь во всякой печали и скорби узнавание свое на содетеля своево <...> а что рыба моеи присылки не годна и тебе б в том гедрь *гневу* не положит <...>» (Гр-ки, с. 10). Далее следует сообщение о здоровье адресанта, пожелание здоровья адресату и выражение надежды, что дядюшка не оставит своего племянника без милости и поддержки в делах.

В этом письме и в других грамотках подобного содержания воспроизводится совпадающая начальная часть текста, она носила шаблонный характер. Оригинальная часть, то есть просьба, ради которой письмо написано, занимает из 34 строк письма только 4, см.: «...что будет впред в Казанском дворце о моем деле что означитца о чем наперед сего к тебе писал и ты гедрь пожалуй ко мне *млтв* свою *подаи* и ко мне прикажи ведомо учинить» (Там же).

В грамотке такого содержания, безусловно, должны быть эмоциональные единицы, но, попадая в шаблонные обороты, они заметно сокращают или вовсе теряют эмоциональный настрой, подтверждая тем самым идею зависимости силы выражения эмоции от контекста. Таким образом, эмоциональность зависит не от семантики одного слова или фразеологизма, а от эмоциональности контекста. Эмоциональность не присутствует постоянно в семантике слова, а в зависимости от смысла и эмоциональности контекста эмоциональность дополняет, «окрашивает» семантику слов.

Далее сравним соотношение числа слов, называющих эмоции, с теми лексемами, которые реально выражают переживаемые эмоции. При этом будем исходить из следующего положения: если словоназвание эмоционального чувства употребляется в составе шаблонного оборота, то оно и остается только названием, не передавая реальных переживаний.

Рассмотрим в том же тексте конца XVII века эмоциональную выразительность отдельных лексем и фразем, учитывая, в какой части текста (в формульной или оригинальной) находится этот речевой элемент. Для этого возьмем начальную часть того же письма племянника к дядюшке.

Строка 1. Гедрю моему свету млтливому. Здесь есть примечание издателя: «свету написано над словами моему млтливому». Дополненное *свету* акцентирует ласковое, приветливое обращение к кому-либо – это особенность русского фольклора, усвоенная и русским речевым этикетом. Для нас важно и другое: включение в шаблон обращения слова *свету* было признанием безэмоциональности шаблонного приветствия.

Кормильцу дядюшке Василу Володимировичю. Такую же роль смягчения, выражения почтительности и благодарности имело слово *кормилец* в значении «благодетель» [10, вып. 7, с. 380]. Именованная на -ович- – форма особо почтительного обращения, ее официальный характер, подчеркивающий высокий общественный статус лица, устанавливался введением от имени государя такого же обращения к определенному лицу. В формулу представления в эпистолах входила модель *вечной и неотступной раб* «с подчеркиванием вассальной верности» (Там же, вып. 11, с. 207).

Строчки 3–4. Обычно неизменным было и многословное пожелание здоровья: «Даи геди и ты гедрь мои здрав был на многие лета со всемъ своимъ благодатнымъ домоми и з ближними своими доброжелатели на веки» (Гр-ки, с. 1).

Свое стремление разнообразить речь Петр объяснял так: «Мы зело *жалеем* об нашей *печали*, аднако ж может бог вас паки *повеселить*» (ПБП, с. 97; 3081. 1709, А. Стейльсу). Сам Петр хорошо владел всем набором речевых средств для одновременного выражения разных чувств. Вот как он реагирует на известие о том, что зять боярина Ф.Ю. Ромодановского не поехал учиться: «Чтоб зятю вашему не ехать для ученья на год, что я с *печалью* принял, и мною сие письмо на *гнеф* или *ругание* прислано» (Там же, с. 343; 3379. 1709, Ф.Ю. Ромодановскому). А вот его наказ бригадирю Кропотову о том, как вести себя с гражданским населением: «С тамошними жителями поступать *ласково* и никакова *озлобления* им не чинить» (Там же, с. 350; 3386. 1709, бригадирю Г.И. Кропотову). Цена слова осознавалась и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку, ср. рассуждение автора частного письма: «Нехто разве какое *сорное слово* *намутил*» (Гр-ки, с. 12). Некоторые лица описывали свои смешанные чувства, например, *боязнь* иногда сопровождалась *стыдом*: «*Боязнию* одержимъ *вкпе же* и *стыдомъ*» (Там же, с. 39).

Особенно выразительны фразы из договора с польским королем Августом, мир с которым был чрезвычайно нужен России: «Соизволяют со взаимного *приятнобратского* и *соседственного приятства*» (ПБП, с. 395; 3448. 1709); «просим ваше королевино величество *дружбно братски* благоволите оному склонную аудиенцию дати» (Там же, с. 414; 3456. 1709).

Тенденция употребления эмоциональной лексики в официальных документах связана с традицией употребления такой лексики в стабильных формулах речевого этикета, представленных в деловой и частной переписке того времени, что подтверждается и анализом грамоток, где деловой элемент свободно включается в частное письмо.

В грамотках особую выразительность приобретают семантически противопоставленные эмотивы, к тому же эмоция усиливается рядом близких по семантике слов: «По твоему писму мне гедрь *не радостно* лише *слезно* слыша про твою гедря моево и *скорбь* и *печал*» (Гр-ки, с. 10). Эмоция переживания в случае утраты родственника может быть усилена определением или указанием на продолжительность переживания. В этом случае эмоционально наполненной становится вся фраза: «Ты гедрь *многое время* в *большой скорби пребываешь*» (Там же, с. 12); «Гедь бгъ изволил тебя гедря моево такою *болезною печалию* посылит что *семьи твоеи гсрни Олены Федоровны не стало*» (Там же, с. 14).

Распределим наиболее частотные эмотивы по группам с учетом их семантики. При этом учитываем, что наиболее сильно эмоцию выражают глаголы типа *сердиться*, глагольно-именные предикативы типа *быть сердитым*.

Бранить – это была первая степень выражения недовольства, а *ругать*, *попрекать* обозначало силь-

ное недовольство и требовало дополнительно более выразительных и крепких выражений: «Нас беспрестани *бранятъ и ругаютъ* а работниковъ бьютъ» (Гр-ки, с. 258, 1701 г.); «Стал меня *бранит* называет меня шпынемъ *попрекает* меня» (Там же, с. 281, 1699 г.).

Жалеть, сожалеть, жаловаться: «О болезни вашей *зело сожалеемъ*» (ПБП, с. 184; 3194. 1709, Б.А. Голицыну); «Зело *жалъ*, что сие место по се время в разных руках было, ибо губернатор *зело жалуется* на приказ» (Там же, с. 190; 3202. 1709, Ф.М. Апраксину).

Сердиться – быть сердитым, помнить злобу: «Принужден я *сердит быть* на вас» (Там же, с. 123; 3121. 1709, Б.П. Шереметеву); «Не помня оной *злости* и оскорбления, нам прежь сего от них учиненного, даем их милостям амнистию» (Там же, с. 142; 3151. 1709, князю М. Вишневецкому).

Смысл «злиться с разной степенью проявления этого чувства выражают слова *рняться, злиться, гневаться, злоститься, ненавидеть*: «татаровские крестьяня тому что ты приказал ягоды брать рняться» (Гр-ки, с. 312, 1680 г.); «не *прогневаися* что не прислал» (Там же, с. 157); «*Вся злая* мне приключилася» (Там же, с. 19); «*Бурмистры на нас злостятца*» (Там же, с. 262, 1701 г.); «Для *ненависти* гедръ взми указ» (Там же, с. 200) – имеется в виду «против ненависти, для защиты от ненависти». Угрозы могли выражаться и эвфемизмами: «я де ему спину мяхче брюха зделаю» (Там же, с. 281, 1699 г.).

Эмоции, связанные с проявлением заботы о ком-либо, милосердия, любви, выражались словами *радеть* в значении «хлопотать, заботиться», *милосердовать*: «О тебе крепко *радеетъ*» (Там же, с. 132, 1708 г.); «Бгъ и *умилосрди сердцу* ево ко мне» (Там же, с. 72). Особенно представительно гнездо слов с корнем *любов-*: «Посылщиковъ накорми и *любовь* всякую *покажи*» (Там же, с. 158); «*хлебом и солю любительство чини*» (Там же, с. 160); «Пиши чтоб *любви твоеи споможение доброе чинит*... поживи с тамошними жители *любовненко*» (Там же, с. 166); «Я тебе *любительно* своему челом бью» (Там же, с. 19); «Челом бью что пожаловал ты меня в своей *любви не презрил*» (Там же). В грамотках зафиксированы следующие слова с корнем *любов-*: 3 примера любительно, 2 – любительный, 2 – любительство, 4 – любовненко, 1 – любовный, любовь – 34, любящий – 30 (данные взяты из алфавитного указателя издания грамоток).

Печалиться, быть печальным – частые слова в петровских бумагах: «Ваша святость от нас отдаляетца, *зело печалны*» (ПБП, с. 318; 3348. 1709, Н.М. Зотову); «Вы от сего времени уже приятная милость *печальны не будете*» (Там же, с. 294; 3320. 1709, А.А. Вейде); «Анна *полюбила* чернца и я о том жениху объявил, о чем *зело печалитца*, и от тоей *печали* хочет сам взблудитца» (Там же, с. 419; 3464. 1709, Екатерине Алексеевне); «Сего часа получили мы ваши письма, в которых *зело печально* слышели худой поступок наших против изменников» (Там же, с. 128; 3128. 1709, Г.Ф. Долгорукому). Как видно из примеров, *печалиться* могло означать не только «горевать», но и «тосковать», «сожалеть».

К глаголам с корнем *печал-* приближаются слова *тужить, тосковать, скучать*: «я в том велми *тужю* что долго струговъ нетъ» (Гр-ки, с. 266, 1701 г.); «Ты о

сем пожалуй не *поскучь*» (Гр-ки, с. 259); «принуждены не *скучать*» (ПБП, с. 400, 3438. 1709, Екатерине Алексеевне). Слова и фразеологизмы, выражающие значения «печаль, печалиться», частотны и в грамотках: «Чтоб она Домна о Дмитрие *в печал не давалас*... она об немъ велми *тужитъ*» (Гр-ки, с. 117, 1798 г.); «ты по муже своем Дмитрие велми *в печали* своей *пребываешь*... ты Домна живи а о муже своем Дмитрие не *тужи*» (Там же, с. 118, 1708 г.). *Печаль, печаловаться* – распространенные слова для обозначения амплитуды чувств от сожаления и плохого настроения до скорбного чувства утраты любимого человека: «Нам *печально* что мало к нам пишеш» (Там же, с. 310, 1699 г.); «Живу еле жив *в печали* своей и немочи» (Там же, с. 212, 1699 г.); «Я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, с. 160); «Мне слыша радоватис в необятой своей *печале* волею бжию чють что маюсе с живущими» (Там же, с. 94); «я бы о том и не *попечаловался*» (Там же, с. 166).

Радоваться – чувствовать радость: «Мы соизволили вам объявить чрез сию настоящую *радость* оную, которую мы о том *чувствуемъ*» (ПБП, с. 235; 3265. 1709, Г. Гольцу).

Радость и веселие часто сопровождают друг друга: «Подаи бгъ тебе доброе здоровье и *радосное пребывание*» (Гр-ки, с. 17); «и всечесное пребывании *радость и веселие*» (Там же, с. 137); «о семь *радуися и веселися*» (Там же, с. 152); «*радуяс веселюся* хлебом и солю любительство чини» (Там же, с. 160). Конечно, созданию фразеологизма *в радости-весельи* помогла пословица, позже использованная А.В. Кольцовым в песне: «С радости-веселья хмелем кудри выются, а с тоски-кручины русые секутся» [6, с. 86–88].

Приведем пример с противопоставлением лексемы *печаль* слову *радость*: «Тебе гедрю моему впред *безпечалну в радости* бытъ» (Гр-ки, с. 14).

Угрозы порождались *страхом*, синонимичны *страхование, страсть*: «Донеси боярину Тихону Никитичю мое невинное страдание... за таким их *страхованием* и за *угрозными* словами приказу бегаю» (Там же, с. 176); «Она со *страсти* и пропала» (Там же, с. 29). Назовем ряд синонимов: *страшить(ся) – устрашить(ся) – учинить страх – быть страху – для страха делать*: «А *страху* какому *быть*, понеже водою пойдутъ» (ПБП, с. 152; 3161. 1709, Б.П. Шереметеву); «Для того конечно надлежит вам, з божию помощию, искать над оною проклятою каналию ревенжу, дабы протчим *страх учинить*» (Там же, с. 128; 3128. 21.03.1709, Г.Ф. Долгорукому); «Також для *страха* соломы в монастырь и в знатные дома внеси, бутто хочеш и указ имееш зажечь» (Там же, с. 415; 3464. 1709, А.Б. Голицын).

Искать счастья – даровать счастье – участие воспринять в счастье: «с помостию божию *искать* над неприятелем *счастия*» (Там же, с. 215; 3239. 1709, Г.Ф. Долгорукому); «И уповаем, что ваше величество в сем нам от всевышшаго *дарованном счастьи*, по имеющей к нам *приязни*, участие воспринять» (Там же, с. 247; 3283. 1709, польскому королю Августу II).

Были распространены просьбы о помощи и защите в отношениях с органами власти, для чего имелся ряд синонимичных средств, например: «*Порадеи* о промысле Клима» (Гр-ки, с. 222, 1699 г.: *порадей*

«побеспокойся, постарайся»). Встречаются книжные формулировки благодарности за приязнь и за милость: *Пребывать склонны приязню*: «В протчем пребываем к вам *приязню* нашему непременно *склонны*» (ПБП, с. 220; 3244. 1709).

Прощение и вина тоже соседствуют в анализируемых текстах: *«Прости в вине моей»* (Гр-ки, с. 81). Если адресат просит своего собеседника простить какую-либо вину, оплошность, то используется стабильная формула: *«Тебе в том гсдрь гневу не положит»* (Там же, с. 10).

Иногда письма содержали эмоциональные признания, касающиеся оформления самих писем: «Насие гсдрь писание *не покручинся* *письмо дрвнское* а извесно тебе гсдрю и самому что *грамоте не умею»* (Там же, с. 281, 1699 г.); «На письмо гсдрь *не прогневаися* писана вскоре» (Там же, с. 261, 1701 г.); «*Не позазри* что писано коротко вскоре лучило» (Там же, с. 17); «На письмо гсдрь *не покручинсе* писано вскоре» (Там же, с. 257).

Выводы. Петровская эпоха – это время появления в России свободного гражданского человека, когда выражение чувств и отношений стало относительно свободным, более искренним и естественным, более уважительным, менее зависимым от социального статуса собеседников.

1. Все эмотивы – слова и фразеологизмы, выбранные приемом полной выборки, – являются элементами исконного происхождения и общерусского распространения. Иноязычные заимствования отсутствуют.

2. В отношении употребления эмоциональной лексики в речевом произведении складываются три типа контекстов, структура и семантика которых существенно влияют на степень выражения эмоций:

1) текст, где представлено название эмоции, но испытывающий эмоции субъект отсутствует или этот субъект есть обобщенное неопределенное лицо. В таком тексте эмоция имеет низкую степень выразительности;

2) повествование, где автор описывает эмоциональные переживания субъекта. В таком контексте эмоция выражена отчетливо, но переживания героя относятся к прошлому, и они мало выразительны;

3) субъект речи описывает собственные эмоциональные переживания и ощущения. Эмоции выражены отчетливо.

3. Что касается жанровой и тематической приуроченности эмоциональных элементов, то эмотивы различных семантических групп были широко представлены, кроме личной частной переписки, в дипломатической переписке того времени.

4. Эмотивная лексика создает положительные и отрицательные образы в речевом произведении, что обуславливает появление в языке противопоставленных групп эмотивных единиц, включая амбивалентные по семантике средства, например, *радость – спокойствие – печаль, любовь – равнодушие – ненависть* и т.п.

5. В письмах часто воспроизводилась совпадающая начальная часть текста, она носила шаблонный характер. Эмоциональные единицы, попадая в шаблонные обороты, заметно сокращают или вовсе теря-

ют эмоциональный настрой, подтверждая тем самым идею зависимости силы выражения эмоции от контекста. Таким образом, эмоциональность иногда зависит не от семантики одного слова или фразеологизма, а от эмоциональности контекста. Эмоциональность не присутствует постоянно в семантике слова. В зависимости от смысла и эмоциональности контекста эмоциональность дополняет, «окрашивает» семантику слов.

Если слово-название эмоционального чувства употребляется в составе шаблонного оборота, то оно и остается только названием, не передавая реальных переживаний.

6. Арсенал эмоциональной лексики тематически разнообразен, хорошо освоен как представителями государственной власти, так и лицами разных социальных слоев, но простолюдины чаще используют стандартные формулы речевого этикета, содержащие эмоциональную оценочную лексику.

Иногда эмотивы, близкие по семантике (*бранить и ругать*), автор текста располагал в последовательности, соответствующей усилению степени выражения эмоций, например, *бранить* – первая степень выражения недовольства, а *ругать* – большее недовольство и употребление более выразительных и крепких выражений.

7. Многие эмоциональные слова благодаря частой повторяемости развивают однокоренные лексемы, например: *добро – доброжелательство, жаль – жаловаться – сожалеть, злоба – злобный – озлобление, приятство – приятнообратское, печаль – печалиться – печальный, радость – обрадоваться, стыдный – бесстыдный*. Степень выражения эмоций зависела от частеречной принадлежности слова: наиболее сильно эмоцию выражают глаголы типа *сердиться*, глагольно-именные предикативы типа *быть сердитым*.

8. Петр хорошо различал дружелюбную приятную речь и грубую речь «в крепких терминах». Цена слова осознавалась и рядовыми гражданами, что свидетельствует о формировании сознательного отношения к языку, что характерно для начального периода складывания норм национального литературного языка.

Источники

Грамотки XVII – XVIII века. – Москва : Наука, 1969. – 416 с. (Гр-ки)

Письма и бумаги императора Петра Великого : в 13 томах. – Москва : Издательство АН СССР, 1950. – Т. 9, вып. 1. – 538 с. (ПБП)

Литература

1. Гайнуллина, Н. И. О новом типе дискурса носителя русского языка на стыке XVII–XVIII вв. / Н. И. Гайнуллина // Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2002. – № 10. – С. 65–69.

2. Гайнуллина, Н. И. Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания) / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университеті, 2002. – 141 с.

3. Гайнуллина, Н. И. Заимствованная лексика в Петровскую эпоху: процессы адаптации / Н. И. Гайнуллина. – Алматы : Казак университеті, 2008. – 295 с.

4. Геранина, И. Н. Процесс заимствований и его упорядочение во второй половине XVIII века : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Геранина Ирина Николаевна. – Москва, 2001. – 16 с.

5. Колчева, И. В. Лексика писем и бумаг Петра Великого (к проблеме формирования общенациональных лексических норм) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Колчева Ирина Валентиновна. – Смоленск, 2007. – 23 с.
6. Кольцов, А. В. Полное собрание сочинений / А. В. Кольцов. – Санкт-Петербург, 1911. – 536 с.
7. Котяева, Н. С. Лексические заимствования в русском литературном языке второй половины XVIII века : на материале комедий : автореферат диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Котяева Надежда Сергеевна. – Тамбов, 2016. – 23 с.
8. Малышев, А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на материале журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям») : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Малышев Александр Александрович. – Архангельск, 2017. – 24 с.
9. Семенов, П. А. Из истории изучения лексики «Писем и бумаг Петра Великого» / П. А. Семенов // Славянская историческая лексикология и лексикография. – Санкт-Петербург : Институт лингвистических исследований РАН, 2022. – Вып. 5. – С. 283–310.
10. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Москва : Наука, 1975–2019. – Вып. 1–31. (издание продолжается)
11. Словарь русского языка XVIII века. – Санкт-Петербург : Наука, 1984 – Вып. 1. (издание продолжается)
12. Тюкачева, Е. В. Русское просторечие первой четверти XVIII века (функционально-стилистический аспект) : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Тюкачева Е. В. – Алматы, 2001. – 30 с.
13. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Москва : Издательство ЛКИ, 2008. – 208 с.
14. Ясинская, М. Б. Лексические заимствования в Петровскую эпоху и языковая личность : На материале историко-биографической прозы князя Б. И. Куракина : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Ясинская Милена Борисовна. – Москва, 2004. – 25 с.

G.V. Sudakov

EMOTIVE VOCABULARY IN THE LANGUAGE OF THE PETRINE ERA

The problem of emotional vocabulary functioning in different speech spheres in the Peter the Great era (1696–1725) is considered for the first time. The material for the study is epistolary and business writing, diplomatic correspondence and texts of military orders. The Petrine era is the time when a free civilian appeared in Russia, when the expression of feelings and relationships became relatively free, less dependent on the social status of the interlocutors. All the emotives are the elements of primordial origin and all-Russian usage. There are no foreign-language borrowings. There are three types of contexts, the structure and semantics of which significantly affect the degree of expression. Emotive vocabulary creates both positive and negative images in speech, which causes the appearance of opposable groups of emotive units in the language (joy - calmness – sadness).

Historical lexicology of the Russian language, emotional vocabulary, literary language, the Petrine era, types of speech situations.